

*Александр Золов
(Калининград)*

ДЕМОНИЗАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ КАК ОДИН ИЗ ТРЕНДОВ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследуется вопрос о причинах и сути попыток демонизации облика Красной армии в современной западной историографии. Делается вывод, что главным фактором, определяющим такой подход, является стремление исказить роль СССР в разгроме гитлеровской Германии и освобождении Европы от нацистского рабства. Отсюда выдвигание тезиса, что приход Красной армии был не актом освобождения, а началом новой, еще более жестокой, чем нацистская, оккупации.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Красная армия, оккупация, насилие, жестокость.

Вторая мировая война становится все более давним прошлым, но идеологическое противостояние вокруг ее результатов продолжается до настоящего времени. Одно из проявлений этого — явное стремление исказить роль и место СССР, Красной армии в деле освобождения Европы от нацизма. Более того, за последние десятилетия изображение советских людей дикарями, несущими Европе новую оккупацию, смерть и страдания, в западной историографии заметно усилилось. Речь идет об активном формировании представления о красноармейцах как грабителях и насильниках, а о немцах — как о невинных жертвах советского произвола. Такая тенденция имеет достаточно давнюю историю, на ней следует корот-

ко остановиться, чтобы были понятны корни последующих «откровений» немецких свидетелей безобразий советских воинов. Пожалуй, главный фактор, обусловивший всемерное очернение советских людей, освобождавших Европу от нацизма, — это сама советско-германская война. С точки зрения немецкого руководства, война с Советским Союзом являлась продолжением давнего противостояния двух рас — германской и славянской, причем, по мнению нацистских идеологов, славяне принадлежали к низшей расе, пригодной исключительно для обслуживания высшей германской расы. При этом земли, заселенные славянами, были необходимы для обеспечения немцев, для чего нуждались в очищении от «недочеловеков».

Так что война Германии против Советского Союза, как ранее против Польши, не была обычным военным конфликтом. Это было расовое противостояние, к тому же окрашенное в идеологические тона. Подобный подход означал, что на Востоке не были применимы нормы ведения войны, принятые на Западе. Здесь речь шла о массовом уничтожении «лишнего» населения, вполне логично сопровождавшемся массовыми грабежами и насилием. Не случайно, когда стали понятны истинные цели новоявленных претендентов на господство, советский народ воспринял войну как Великую Отечественную, в которой ему предстояло не только отстоять свою Родину, а в прямом смысле слова спасти российский народ от физического истребления. В этой ситуации врагом русских людей стали не просто фашистские захватчики, но буквально каждый немец, пришедший в Россию с оружием в руках.

Тема необходимости уничтожения немцев — одна из основных в советской пропаганде в начальный период войны. Пожалуй, самое яркое свидетельство такой пропаганды — знаменитая статья И. Эренбурга «Убей», напечатанная в газете «Красная звезда» 24 июля 1942 года [21, с. 256 — 257]. Ее текст — настоящий гимн ненависти к немцам:

Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье. Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. <...> Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих близких и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. <...> Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит твое дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей! [21, с. 257].

Июль 1942 года — это время, когда нужно было во что бы то ни стало покончить с расхлябанностью и разгильдяйством в армии, наглядно показать, что дальнейшее отступление смерти подобно. Нужно было воспитать в людях чувство ненависти к захватчикам, чувство, которое вело бы людей в смертный бой, которое мобилизовало нацию и страну и обеспечило необходимый перелом в настроениях бойцов и в войне.

Подобная пропаганда ложилась на подготовленную почву. Немцы вели себя в России нагло, бесстыдно, бесчеловечно. В последнее время стало модно проводить «различия» между СС и вермахтом, мол, только самые «отмороженные» нацисты действовали столь откровенно жестоко, а вермахт-де — по-рыцарски. Как показывает беспристрастный анализ, по-человечески вели себя на территории России исключительно отдельные лица. Все остальные — от фельдмаршалов до последнего солдата — ощущали себя новыми хозяевами этих земель. И поступали соответственно, не особо задумываясь о том, какой будет расплата [13, с. 346—414]. Первые мысли о грядущем возмездии пришли к немцам уже после Сталинграда, хотя в целом германский народ по-прежнему шел за своими вождями, поддерживая идею тотальной войны и продолжая политику геноцида по отношению к «неполноценным» расам.

Настоящий же страх перед возможной расплатой немцы почувствовали только тогда, когда война вплотную приблизилась к границам Германии. Пожалуй, первым начал запугивать немцев возможным террором со стороны СССР Й. Геббельс. Уже 18 февраля 1943 года, выступая во Дворце спорта (Шпортпаласте) в Берлине, он заявил: «Позади приближающихся советских дивизий мы видим еврейские отряды по уничтожению, а позади них — террор, призрак массового голода и полную анархию» [20, с. 308]. По мере приближения войны к границам рейха запугивание населения приобретало нарастающий характер. Тем более, что немцы имели все основания бояться прихода Красной армии.

Особый размах пропагандистская кампания Геббельса приобрела с октября 1944 года, когда советские войска впервые появились на территории Восточной Пруссии. Толчком стала гибель 26 мирных жителей деревни Неммерсдорф во время кратковременного пребывания в ней советских солдат. До сих пор тайна этой трагедии полностью не раскрыта. Есть даже версия, высказанная, кстати, немецким историком в 2004 году, что мирные жители этой деревни стали жертвой специально осуществленной нацистами провокации [11, с. 370—371]. Других конкретных данных о жестоких расправах советских солдат над мирными немцами до сих пор нет. Как бы то ни было, события в Неммерсдорфе были превращены германскими средствами массовой информации в страшную трагедию, в пример того, что ожидает немцев в

случае победы русских. Цель этой кампании была очевидна: запугать немцев до полной невеняемости и побудить их сражаться против восточных варваров изо всех сил.

И надо отметить, что эта цель была достигнута. Как писал Геббельс в своем дневнике, «нам удалось ожесточить немецкий народ и наполнить его ненавистью к большевикам» [4, с. 351]. Кстати, в этих дневниках упоминания о зверствах большевиков на германской земле являются регулярными, но описываются они в самом общем плане, в то время как о жестоком поведении американских, британских и французских властей на территории Германии Геббельс пишет гораздо более подробно. Отсутствие реальных данных о новых советских зверствах немецких пропагандистов не останавливало. Огромным тиражом были распечатаны тексты знаменитых статей И. Эренбурга, но без упоминания о том, что писались они за два с половиной года до этого. Был распушен слух, что советское командование отдало приказ о безжалостном отношении к побежденным немцам [19, с. 34, 61]. Вследствие этого миллионы людей в ужасе бросали свои дома и рвались на Запад, подальше от надвигавшегося апокалипсиса.

Можно поставить вопрос, были ли случаи насилия и грабежа со стороны советских солдат? Конечно, были, и советское командование об этом знало [8, с. 502–504]. Существовали и соответствующие крайне строгие приказы, в числе которых приказ Верховного главнокомандующего от 19 января 1945 года о недопустимости грубого отношения к местному населению — он был доведен до всего личного состава армии. За порядком должны были следить командиры, политработники и армейская контрразведка. Как вспоминал М. Гареев, любые случаи насилия пресекались моментально, тем более что в каждом немецком поселении сразу же после его занятия создавались военные комендантуры и патрульная служба, обеспечивавшие порядок [18]. В своем интервью газете «Комсомольская правда» от 8 мая 2013 года доктор исторических наук, профессор, ведущий сотрудник Института российской истории РАН Е. С. Сеньявская приводит весьма интересные данные на этот счет:

Мы не можем говорить, что таких явлений (грабежей и изнасилований. — А. З.) вообще не было. Были, но далеко не в тех масштабах, о которых нам сегодня врут. В документах такие факты рассматривались как «чрезвычайные происшествия и аморальные явления». Само руководство страны и командование считало, что это мало того что формирует негативный имидж РККА, так еще и расшатывает дисциплину. И с этим боролись всеми средствами, начиная с партийно-политической работы, разъяснений, заканчивая приговорами трибуналов, вплоть до расстрелов мародеров и насильников. К сожалению, не все документы пока рассекречены. Но те, что есть, позволяют просчитать масштабы явления. Вот

доклад военного прокурора 1-го Белорусского фронта о противоправных действиях в отношении гражданского населения за период с 22 апреля по 5 мая 1945 года. По семи армиям фронта на 908,5 тысяч человек зафиксировано 124 преступления, из которых 72 изнасилования. Всего 72 случая на 908,5 тысяч... [23].

Более того, зачастую грабежами и насилиями занимались освобожденные из лагерей пленные, перемещенные лица, причем не обязательно русские, но всю вину за это возлагали на бойцов Красной армии [17, с. 635].

Слухи о советских зверствах получили широкое хождение среди наших союзников. Их охотно муссировали враждебные СССР средства массовой информации разных стран, включая нейтральную Швейцарию. Хотя верили им тогда далеко не все. Шеф англо-американского информационного бюро собрал журналистов и сказал:

Помните, среди немцев существует сильное и организованное движение, чтобы посеять слухами и сплетнями недоверие между союзниками. Немцы надеются немалого добиться, посеяв между нами вражду. Я предупреждаю вас: не верьте немецким сказкам о русской жестокости, не проверив факты [16].

Австралийский военный журналист Осмар Уайт, посетив советскую зону оккупации, писал:

В конце первого моего дня пребывания в Берлине я был уверен, что город мертв. Человеческие существа просто не могли жить в этой ужасающей грудке мусора. К концу первой недели мои представления стали меняться. Общество стало оживать среди развалин. Берлинцы начали получать воду и пищу в количествах, достаточных для того, чтобы выжить. Все больше и больше людей были заняты на общественных работах под руководством русских. Благодаря русским, имеющим большой опыт с подобными проблемами в своих собственных опустошенных городах, распространение эпидемий было поставлено под контроль. Я убежден в том, что Советы в те дни сделали больше для того, чтобы дать Берлину выжить, чем смогли бы сделать на их месте англо-американцы. <...> В Красной армии господствует суровая дисциплина. Грабежей, изнасилований и издевательств здесь не больше, чем в любой другой зоне оккупации. Дикие истории о зверствах всплывают из-за преувеличений и искажений индивидуальных случаев под влиянием нервозности, вызванной неумеренностью русских солдат и их любовью к водке. Одна женщина, которая рассказала мне большую часть сказок о жестокостях русских, от которых волосы встают дыбом, в конце концов была вынуждена признать, что единственным свидетельством, которое она видела собственными глазами, было то, как пьяные русские офицеры стреляли из пистолетов в воздух и по бутылкам [23].

В дальнейшем немецкий историк Ф. Рут подвел своеобразный итог подобного рода измышлениям в адрес советских солдат:

В Восточной Германии нередко случались эксцессы. Но в отличие от западных зон оккупации они не носили планомерного характера, а были именно эксцессами, с которыми пытались бороться командование Красной армии [15, с. 360].

В послевоенные годы заявления о варварском поведении Красной армии на территории освобожденных ею народов продолжали периодически подниматься в трудах западных историков и публицистов, хотя ничего нового по сравнению с уже известным сказано не было. Большую работу по освещению страданий мирных немецких граждан провела научная комиссия, созданная в Западной Германии по решению правительства ФРГ, которая собрала, изучила и обработала тысячи письменных свидетельств, опубликовав многие из них в 11-томном собрании под названием «Документы изгнания немцев из Восточной части Центральной Европы», изданном в 1956–1967 годах. Насколько достоверны эти свидетельства, сказать трудно, но заключает свое исследование комиссия следующими словами:

События, разыгравшиеся при первом столкновении победивших войск Красной армии с восточнонемецким населением, — без сомнения, глубочайшее унижение для немцев по ту сторону Одера и Нейсе. <...> Массовое изнасилование женщин, убийство без суда и следствия многих немцев, разбой и произвол — во всех областях по ту сторону Одера и Нейсе при вступлении в них Красной армии происходило абсолютно одно и то же, так что ни одно описание событий не обходит этого [2, с. 27].

В 1980 году на основе этих материалов немецкий историк Г. Бёддекер выпустил свою книгу, в которой приводит массу свидетельств жестокого обращения с немцами со стороны народов тех стран, откуда они выселялись после окончания войны. Много в ней говорится и о безобразиях, чинимых бойцами Красной армии, причем речь идет, по мнению автора, о сознательном поведении советских солдат и офицеров, открыто поощряемых своим командованием: расстрелы колонн беженцев, многочисленные случаи изнасилования женщин, разграбление и сожжение немецких домов и целых городов. При этом в качестве обоснования причин такого поведения автор приводит все ту же статью И. Эренбурга 1942 года [2, с. 18–19]. Некоторые сообщения об изнасилованиях впечатляют абсолютной точностью цифр: насиловали по 45 солдат [2, с. 127], изнасиловали 13 раз подряд [2, с. 152], 25 раз [2, с. 153], 12 раз [2, с. 156] 16 раз [2, с. 157], более 30 раз [2, с. 164]. Чисто немецкая педантичность в вычислениях! Г. Бёддекер, правда, признает,

что эти акты во многом были вызваны стремлением отомстить немцам за зло, которое они причинили советским людям [2, с. 32], но в целом считает, что мирные граждане не заслужили такого зверского обращения. Причем издевательства над немцами, по его словам, продолжались и долгие месяцы после окончания боев. Он ни слова не говорит о том, как советское командование создавало комендатуры, обеспечивало немцев продовольствием. Только пару раз в тексте есть упоминание о том, что советские солдаты подкармливали отощавших немцев.

Вообще в послевоенные годы роль СССР и Красной армии в освобождении Европы от нацизма на Западе старательно замалчивалась. Более того, в годы холодной войны активно формировался негативный образ советских людей и социалистического государства. На вооружение была принята концепция тоталитаризма, впервые запущенная в пропагандистский оборот Ханной Арендт в начале 1951 года [22]. В России эта книга была издана в 1996 году. Главной задачей этого опуса было приравнивание коммунизма к нацизму, в связи с чем осуществлялась подмена понятий и создавалась основа для всяческого осуждения коммунизма как еще более античеловеческого типа общества, чем нацизм. Впоследствии, когда ложность такого подхода была осознана большей частью научного сообщества, теория тоталитаризма оказалась задвинутой на второй план, но была охотно воспринята в ФРГ, где шла кропотливая работа по переписыванию истории XX века с целью избавления Германии от ярлыка носителя нацистской идеологии [9, с. 260–264]. Параллельно шла работа по формированию светлого образа США как освободителя мира от нацистской чумы и борца против коммунизма. Это проявилось во всемерном преувеличении роли США в мировой войне и освобождении Европы, которое началось, по их мнению, после высадки англо-американских войск в Нормандии летом 1944 года. Книга американского историка С. Амброза так и называется: «День «Д». 6 июня 1944 г.: Величайшее сражение Второй мировой войны» [1]. В США она вышла в 1994 году, и роль СССР в разгроме нацизма всячески преуменьшалась. Как правило, говоря о Второй мировой войне, на Западе вспоминают только Сталинград (это сражение замолчать просто невозможно), а все остальное остается «за кадром». В ФРГ в первые послевоенные десятилетия о войне старались говорить как можно меньше. Как отмечали немецкие собеседники российского интервьюера, о войне в ФРГ просто молчали, в школе изложение доводилось до 1933 года, а если что и вспоминали, то только жестокое обращение советских солдат с немцами [6, с. 69, 87, 243]. При этом много говоря о страданиях немецкого народа, о страданиях других народов, принесенных им немцами, старались не упо-

минать вообще. Тем более о страданиях народов СССР. Война нацистской Германии против СССР в трактовке западногерманских историков имела едва ли не предопределенный самой историей характер, была своеобразным продолжением давней борьбы европейской цивилизации с восточным варварством [6, с. 184–185].

Дальнейшее стремление к переосмыслению преступного характера развязанной нацистами войны привело к тому, что западные историки в фокус своего внимания ввели лишь последний год войны, оставляя «за скобками» вопрос: а почему война вообще пришла на территорию Германии? При этом довольно активно муссировалась тема насилия со стороны советских солдат, особенно по отношению к немецким женщинам. Для абсолютного большинства немцев это была истина, не требующая доказательств [6, с. 133]. Первоначально цифры были довольно скромными – от 20 до 150 тысяч изнасилований по всей Германии. Однако в начале 1990-х годов, после распада Советского Союза, когда пинать павшего гиганта стало безопасно и модно, эта тема стала раскручиваться все более активно. В 1992 году в Германии вышла книга феминисток Х. Зандер и Б. Йон «Освободители и освобожденные», где впервые была воспроизведена цифра в 2 миллиона изнасилованных немок, причем только советскими солдатами [23]. Выведена эта цифра была на основе совершенно некорректной посылки: были взяты статистические данные в одной берлинской больнице за 1945–1946 годы, где рождалось где-то по 500 детей в год, и примерно у 15–20 человек в графе «Национальность отца» было указано «русский». В двух или трех таких случаях стояла пометка «изнасилована». Что сделали эти «исследовательницы»? Они посчитали, что во всех случаях, когда отмечалось, что отец русский, было изнасилование. Потом взяли геббельсовскую форму «насиловали всех от 8 до 80» и просто помножили цифры [23]. Впрочем, широкого применения это историческое «исследование» не получило, тем более что довольно быстро был раскрыт механизм подобных подсчетов. В 1995 году в американском журнале «Октябрь» (October) вышла статья профессора Аниты Гроссман, где был дан квалифицированный анализ этого опуса и сделан вывод об абсолютной невероятности указанной цифры [10].

Массовое распространение миф о зверствах, массовых изнасилованиях и грабежах, учиняемых советскими солдатами на территории Германии, получил после выхода в 2002 году книги английского писателя Э. Бивора «Падение Берлина. 1945» (в России была издана в 2004 году). Это действительно настоящая демонстрация ненависти к русским солдатам. При этом автор ссылается на материалы российских архивов и свидетельства очевидцев, в том числе В. Гроссмана, А. Солженицына и других (кстати, свидетельства этих борцов со ста-

линизмом используют все прочие авторы подобного толка). Реальных фактов в книге не очень много. В первую очередь это, конечно же, Неммерсдорф, число изнасилованных и убитых женщин и девушек в котором, правда, увеличено с 26 до 62 [3, с. 36]. Вспомнил автор и призывы И. Эренбурга к мести и ненависти [3, с. 35], естественно, без упоминания о времени выхода этих статей. На протяжении всей книги изнасилования — это любимая тема автора [3, с. 39–41, 134–138, 153–155, 390, 404–407, 446–447]. А в конце [3, с. 530–531] подводится своеобразный итог: оказывается, всего в Германии было порядка 2 миллионов изнасилованных немецких женщин, «многие из которых (если не большинство) перенесли это унижение по нескольку раз». Откуда такие сведения? Мягко говоря, свидетельства носят весьма специфический характер: «по оценкам двух главных берлинских госпиталей» (каких, неясно); «один доктор сделал вывод» (кто, когда, не говорится). Ну и ссылка на уже упоминавшуюся книгу Х. Зандер и Б. Йон. При этом автор даже пытается объяснить эту вакханалию. Он признает, что подобное поведение советских солдат было проявлением мести немцам за преступления, осуществленные на советской земле. Но это также, по его мнению, было следствием негуманного обращения советских командиров со своими подчиненными [3, с. 43], а также результатом подавления сексуальности в СССР и отсутствия там необходимого сексуального образования, вследствие чего советские солдаты «просто не знали, как правильно обходиться с женщиной» [3, с. 44]. Видимо, когда немцы насиловали французские или американские солдаты, они делали это самым правильным образом. Впечатляет количество аборт, сделанных изнасилованными немками, — порядка 90 % забеременевших жертв. Если учесть печальное состояние немецких госпиталей и больниц, о котором писал сам Бивор, возникает вопрос, кто и когда умудрился совершить сей «гуманитарный подвиг»? В разгромленной Германии! Под жестким контролем советских оккупационных властей! При этом он даже не замечает, как противоречит сам себе. Рассказывая о том, что немки просто боялись появляться на улице из-за бесчинств советских солдат, он пишет [3, с. 117], что в тылу Красной армии женщины с детьми выходили на дорогу, по которой двигались советские части, в надежде на то, что русские солдаты накормят их. И как же они не боялись насилия? Он признает, что советские солдаты раздавали продукты голодающим берлинцам [3, с. 409], сразу же после вступления в Берлин начали создавать новую местную администрацию, заниматься восстановлением коммунальных служб, расчисткой развалин.

При этом сами немцы вели себя отнюдь не как запуганные жертвы. Бивор упоминает случай, когда один из новых немецких администра-

торов, получив приказ о создании команды по расчистке улицы, сразу же поинтересовался, а сколько советские власти собираются им платить за эту работу [3, с. 417]. И это поведение запуганного, замордowanego человека? А через несколько страниц снова следует рассказ о зверских изнасилованиях. Не выдержал даже переводчик, дополнивший основной текст комментарием, в котором довольно подробно перечислил жесткие меры по наведению порядка, осуществленные советским командованием, а также напомнивший, что вообще-то весьма часто грабежами и насилиями занимались иностранцы, освобожденные от немецкого рабства, а также сами немцы, хотя всю вину старались свалить на советских людей [3, с. 423–424].

Но Бивор не ограничился описанием изнасилований. У него Красная армия — это безобразная дикая орда, не имеющая представления о дисциплине и порядке (по его мнению, в Красной армии была плохая дисциплина из-за низкого профессионализма офицеров, антигуманного отношения советского командования к солдатам, а также из-за специфики русского национального характера, явно тяготеющего к «детскости» [3, с. 22–23]). Красноармейцы — это бездумные грабители, уничтожающие все на своем пути просто из примитивного стремления сломать что-то им ненавистное. Такая характеристика просто не лезет ни в какие рамки. Солдаты передовой части выглядели (по описанию некоей немки) следующим образом:

Они были одеты в поношенную коричневую форму, запачканную и рваную. Их ботинки почти развалились на части, а оружие висело на плечах не на ремне, а на веревке (!) [3, с. 149].

Они давно не мылись в бане, имели крайне неопрятный внешний вид. Бойцы завшивели, а многие болели и дизентерией. Проблемы возникали из-за того, что забота о здоровье и безопасности не стояла в ряду приоритетов в Красной армии. Нижнее белье никогда не стиралось. Вода для питья редко когда кипятилась. Более того, пища готовилась в ужасных антисанитарных условиях [3, с. 162].

Бивору вторит американский писатель К. Райан: советские солдаты — немые, в грязном обмундировании, с ножами, заткнутыми за голенища сапог, в меховых ушанках [12, с. 402]. В изображении Райана это какие-то совсем примитивные существа:

Тысячи красноармейцев никогда прежде не бывали в большом городе. Они выкручивали электрические лампочки, чтобы отвезти их домой. <...> Им казалось, что лампочки могут светиться в любых условиях. Все водопроводные краны выдирали из стен по той же причине. Многие понятия не имели, зачем нужны ваннные комнаты; в унитазах иногда мыли и чистили картошку. Всюду гадили [12, с. 410].

И снова о массовых изнасилованиях. Откуда информация? Видите ли, об этом рассказывали беженцы. Причем если сначала речь шла о женщинах, *попадавшихся* среди беженцев [12, с. 22], то двумя страницами ниже Райан написал, что врач-гинеколог, осмотревшая *огромное количество* женщин-беженок, пришла к выводу, что реальность (речь идет об изнасилованиях) была гораздо страшнее слухов [12, с. 24]. При этом даже не ставится вопрос, каким образом женщины, бежавшие от наступавших советских войск, то есть все время находившиеся в тылу немецкой армии, могли столь уверенно рассказывать об ужасах, творимых советскими солдатами, которых они пока и в глаза не видели. Сам Райан пишет, что эти «очевидцы» описывали русских узкоглазыми монголами, безжалостно и без раздумий убивающими женщин и детей [12, с. 23]. Иными словами, говорили они не о том, что видели сами, а о том, о чем им постоянно твердила нацистская пропаганда, рисовавшая Красную армию как орду азиатов, стремящихся уничтожить германскую культуру и немецкий народ.

Отмеченная тенденция сохранялась и позже. Весьма показательна в этом отношении книга английского журналиста Л. Риса «Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав». Вышла она в 2008 году в качестве дополнения к телесериалу «Вторая мировая война: за закрытыми дверями» производства компании «Би-би-си», что делает ее в некотором смысле выражением официальной позиции британского правительства. В России она была издана в 2012 году [14]. На первый взгляд книга производит впечатление серьезного труда. Л. Рис использовал широкий набор работ, посвященных проблеме Второй мировой войны, среди которых монографии, мемуары и дневники политических и военных деятелей, опубликованные документы, материалы архивов разных стран, включая Англию, Германию и даже Россию (хотя российские источники занимают скромное место в этом ряду). Если оценивать содержание книги, то можно увидеть, что автор, в принципе, не отрицает огромную роль СССР в победе над Германией. Он упоминает о сражениях под Курском и в Белоруссии, которые, по его мнению, незаслуженно забыты на Западе. Впрочем, это в книге не самое главное. Главная идея автора определена уже во введении. Оказывается, для народов Восточной Европы Вторая мировая война закончилась не в 1945 году, а в конце 1980-х, когда пал коммунизм и эти народы освободились наконец-то от советской оккупации [14, с. 5]. С самых первых страниц книги в сознание читателя вбивается мысль о близости Советского Союза и нацистской Германии, если не в идеологических, то в практических аспектах — в преклонении перед грубой авторитарной властью. В книге всячески подчеркивается мысль о тесном военном сотрудничестве двух стран в 1939–1941 годах, примером чего является, по мнению автора, совместная «германо-

советская оккупация» Польши, причем Л. Рис упорно называет земли, отошедшие к СССР в 1939 году, не Западной Белоруссией и Западной Украиной, а Восточной Польшей.

Польша и Катынь — наиболее муссируемые автором проблемы. Он глубоко сочувствует несчастным полякам, которые утратили (почему-то в основном по вине русских) свободу и независимость. Поляки «пережили страшную трагедию вступления советских войск в Восточную Польшу в 1939 году», когда сразу же начались грабежи и насилия, депортации и аресты. Причем, по словам польских собеседников британских журналистов, Красная армия представляла собой «многотысячную неопрятную толпу, неизвестно во что одетую, во всяком случае, это тряпье мало напоминало военную форму» (на фоне щеголеватых солдат Войска Польского) [14, с. 37]. В ход идут байки о некоей жене советского офицера, которая купила ночную рубашку и считала, что приобрела бальное платье. Она же купила ночной горшок, приняв его за вазу для цветов. Другой «свидетель» рассказывает, что его знакомые видели советских солдат, напяливших на уши женские бюстгалтеры, чтобы согреться [14, с. 38]. И конечно же, были сплошные изнасилования и прочие мерзости. В общем, в 1944 году поляки, как пишет автор, с ужасом ждали возвращения Красной армии. Судя по всему, под немцами им жилось гораздо лучше. Один из польских свидетелей отмечает, что его друг во время нацистской оккупации учился в университете [14, с. 372], так что рассказы об уничтожении немцами польского образования и польской интеллигенции были, судя по всему, коммунистической пропагандой. Похоже, Красная армия своим приходом в Польшу испортила полякам радость общения с немецкими хозяевами.

Не менее мерзко, чем в Польше, по мнению автора, вели себя советские солдаты и в других странах. Сплошные насилия сопровождали вступление Красной армии в Венгрию, где в одном только Будапеште было изнасиловано более 50 тысяч женщин, а советские солдаты предстали перед венграми в женских туфлях, в одежде с чужого плеча, «с лицами, на которых была написана злоба» [14, с. 420].

В Румынии после прихода Красной армии началась волна арестов и депортаций, жертвами которых стали 200 тысяч «фашистов» (именно в кавычках, как будто в Румынии фашистов не было!) А уж что творилось в Германии! Автор цитирует «слова Эренбурга» (со ссылкой, правда, на книгу некоего Грегора Далласа «Отравленный мир»):

«Солдаты Красной армии! Все немецкие женщины — ваши!» И началось: два миллиона изнасилованных женщин, сплошные грабежи и убий-

ства, аресты и заключение в концлагерях, отправка в советские лагеря бывших советских военнопленных и перемещенных лиц, «особенно тех, кто сражался на стороне немцев [14, с. 511].

Сами англичане своих соотечественников, служивших Гитлеру, судя по всему, крестом Виктории награждали? В общем, как вспоминал немецкий юноша, «повсюду, куда бы ни пришли русские, там всегда была несправедливость» [14, с. 510]. Другими словами, перед читателем предстает впечатляющая демонстрация всех ужасов сталинского режима, который был одинаково бесчеловечен как к своим, так к чужим. Неудивительно, что такие монстры считаются избавителями человечества от нацизма не могут.

И все это при том, что существует масса свидетельств того, как советские люди спасали немцев от голодной смерти, как несли на землю Германии мир и порядок. Достаточно посмотреть на огромное количество фотографий того времени, на которых видны немецкие граждане, толпящиеся у советских полевых кухонь, разбирающие завалы, читающие вывешенные приказы. И нет у них страха перед нашими солдатами, хотя, естественно, ожидать немцы могли все что угодно после того, что сотворили их соотечественники на советской земле.

Есть и другие свидетельства. Недавно вышла книга, содержащая дневники молодого немца родом из Померании [5]. Он пишет о том, что его семья никуда не пыталась бежать, осталась в своем селе. И ничего плохого с ней не произошло [5, с. 218]. Немецкий историк Ф. Рут писал:

Американцы в Германии явили такую же жестокость, с какой обживали Дикий Запад, «освобождали» Филиппины или воевали во Вьетнаме. Единственным способом борьбы с партизанами («Вервольф». — А.З.) они считали беспощадное уничтожение. Расстрелы заложников и уничтожение собственности стали традиционными мерами реагирования даже на незначительные проявления сопротивления [15, с. 344].

А о поведении французов он писал так: они вели себя в оккупированной зоне безобразно, «голод среди гражданских жителей, вопреки досужим домыслам современных публицистов, был уделом не советской, а французской оккупационной системы» [15, с. 347]. Более того, французы специально ввели в свою оккупационную зону «туземные части» для вящего унижения немцев. «Бесчинства французов меркли даже на фоне слухов о произволе Советов, которые охотно муссировались на Западе» [15, с. 350]. Об этом очень красочно написал британский историк Кит Лоу в своей книге «Жестокий континент»:

По словам англичанки Кристabelle Биленберг, которая жила в деревне рядом со Шварцвальдом, марокканские войска «перетрахали всю долину», как только появились здесь. Позднее их сменили войска из Сахары, которые «прибыли ночью, окружили каждый дом в деревне и изнасиловали всех женщин в возрасте от 12 до 80 лет [7, с. 79].

Лоу пишет: «Целое поколение молодых женщин в Германии научилось думать, что совершенно нормально спать с солдатом из армии союзников за плитку шоколада» [7, с. 66]. И все же самые ужасные случаи зафиксированы в Восточной Европе, в районах Силезии и Восточной Пруссии [7, с. 78]. И снова выплывает цифра в 2 миллиона изнасилованных женщин (правда, по всей Германии) [7, с. 82].

При этом ни один из этих историков не пишет о мерах, принимаемых советским командованием по наведению порядка в оккупированных районах, в то время как освобожденная западными союзниками Европа страшно голодала. А в восточной зоне оккупации Германии буквально с первых дней советское руководство делало все возможное, чтобы избавиться от образа оккупантов, заменив его образом освободителей.

Советская сторона никогда не говорила о коллективной ответственности немцев, а потому в 1945 году перестала рассматривать их как единого врага. СВАГ раньше западных оккупационных администраций стала налаживать сотрудничество с местными антифашистами, постепенно передавая власть в их руки [15, с. 359–360].

Есть информация, как налаживалась жизнь в Берлине. Уже 24 апреля, когда в городе еще продолжались уличные бои, генерал Берзарин был назначен начальником берлинского гарнизона, а 2 мая — военным комендантом города, уже 4 мая снова зазвучало берлинское радио, 13 мая были восстановлены первые автобусные линии, 14 мая ввели в действие первые линии метро, 15 мая вышла первая берлинская газета, 16 мая заработали 30 кинотеатров и т.д. [9, с. 339–340]. То же самое происходило во всех немецких городах и населенных пунктах. Нормы снабжения для немцев в советской зоне оккупации были выше, чем в самом Советском Союзе. Вплоть до 1948 года продуктовые посылки для родственников шли с востока на запад Германии, а не наоборот [9, с. 341]. Конечно, говорить о «райской» жизни в оккупированной стране ни в коем случае не стоит, но и врать безбожно ни к чему.

Чем же можно объяснить эту оголтелую русофобию наших новых «демократических друзей»? Конечно, наложила свой отпечаток холодная война, когда шельмование Советского Союза было одной из форм

идеологического противостояния. Казалось бы, падение Советского Союза и отказ от коммунистической идеологии должны были привести к нормализации взаимоотношений нашей страны с Западом. Однако этого так и не произошло. Сначала, в 1990-х годах, Запад охватила эйфория от поражения его самого страшного врага, что вызвало у некоторых «победителей» стремление поглумиться над проигравшим соперником. А в начале 2000-х годов, как считают некоторые отечественные исследователи, Запад вдруг ощутил нарастание новой опасности для себя со стороны России, пытающейся преодолеть завалы ельцинизма. И это стало «спусковым крючком» в новом пропагандистском «крестовом походе» против нашей страны. Как показывает практика, с самых давних времен (вспомним Ф.И. Тютчева и Н.Я. Данилевского) Запад рассматривал Россию как чуждую и враждебную ему силу, успешно противодействующую культуртрегерству европейских цивилизаторов. Нас никогда там не любили и своими не считали. К сожалению, мало что изменилось и к настоящему времени. Прав был император Александр III, заявивший, что единственными друзьями России являлись и являются ее армия и флот. Любить нас на Западе, похоже, не будут в любом случае. Так пусть хотя бы уважают, а уважают в этом мире только сильных!

Список литературы

1. Амброз С. День «Д». 6 июня 1944 г.: Величайшее сражение Второй мировой войны». М., 2003.
2. Бёддекер Г. Горе побежденным! Беженцы III рейха. 1944–1945 гг. М., 2006.
3. Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004.
4. Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи. Смоленск, 1993.
5. Гранцов К. Пепел большой войны. Дневник члена гитлерюгенда. 1943–1945. М., 2013.
6. Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. М., 2003.
7. Лоу К. Жестокий континент. Европа после Второй мировой войны. М., 2013.
8. Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М., 2006.
9. Максимычев И. Россия – Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М., 2014.
10. Насилие в отношении мирного населения Германии в конце Второй мировой войны // Википедия : [сайт]. URL: ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 10.11.2013).

11. *Петров И.* Неммерсдорф: Между правдой и пропагандой // Великая оболганная война-2. Нам не за что каяться. М., 2008.
12. *Райан К.* Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев. М., 2003.
13. *Расс К.* Человеческий материал. Немецкие солдаты на Восточном фронте. М., 2013.
14. *Рис Л.* Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав. М., 2012.
15. *Рут Ф.* Вервольф. Осколки коричневой империи. М., 2007.
16. *Слисаренко И.* Изнасилование истории. Зона подлости // Ежедневник 2000 : [сайт]. URL: <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/sotsium/47343-wiki> (дата обращения: 10.11.2013).
17. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949 : документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 1886. Т. 1.
18. *Турченко С.* Секс-Освобождение: эротические мифы Второй мировой // Свободная пресса. 2011. 5 мая. URL: svpressa.ru/war/article/8271/ (дата обращения: 18.10.2013).
19. *Шойфер Х., Тике В.* Марш на Берлин 1944 – 1945. М., 2005.
20. *Эванс Р.* Третий рейх. Дни войны. 1939 – 1945. Екатеринбург, 2011.
21. *Эренбург И.* Война. 1941 – 1945. М., 2004.
22. *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. N. Y., 1951.
23. *Овчинников А.* Миф об «изнасилованной Германии» сочинил Геббельс // Комсомольская правда : [сайт]. URL: www.kp.ru/daily/26073/2979464/ (дата обращения: 10.11.2013).

Alexandr Zolov

THE DEMONIZATION OF THE RED ARMY AS A TREND IN WESTERN HISTORIOGRAPHY

This article focuses on the reasons behind and attempts at demonising the image of the Red Army in the modern Western historiography. It is concluded that the key factor behind this approach is the aspiration to misrepresent the role of the USSR in the destruction of Hitler's Germany and the liberation of Europe from the Nazi slavery, which results in the thesis that the entry of the Red Army was not an act of liberation but rather the beginning of a new occupation, which was even worse than the Nazi one.

Key words: World War II, Red Army, occupation, violence, cruelty.